

ОГАХИ—ПЕВЕЦ ХОРЕЗМА

 театр

ОН ЖИЛ и творил в первой половине XIX века. Полное имя его — Мухаммад Риза Эрниязбек-оглы Огахи...

Трудное детство, раннее сиротство. Светлые воспоминания отрочества — о тех днях, когда он жил и воспитывался в доме своего дяди по матери — замечательного поэта Муниса. После смерти Муниса его должность — мираб (своего рода управляющий оросительной системой) — была дарована хивинским ханом молодому Огахи...

Годы жизни при дворе, знакомство с бытом дехкан, ремесленников. Усиленная работа над собой, присталь-

ное изучение окружающей действительности...

Славу одного из выдающихся представителей узбекской классической литературы принесла Огахи его глубоко народная поэзия, в которой удивительно гармонично сочетались тонкий своеобразный лиризм и высокая гражданственность, призыв к добру, справедливости, человечности, смелое осуждение феодалов и государственных деятелей, безжалостно угнетавших народ и стремившихся лишь к личной наживе.

Хорезмцам дороги их великие земляки Мунис и Огахи, Камил Хорезми и Авес Утар-оглы. Собрать по крупицам и изучить их наследие, проследить и описать

творческий и жизненный путь — этому благородному делу посвятил свою жизнь литературовед и драматург Юнус Юсупов. Один из результатов его длительной и многотрудной исследовательской работы — пьеса «Мавлоно Огахи». Композитор Абдушарип Атаджанов написал к ней музыку. Ургенчский театр музыкальной драмы и комедии имени Огахи поставил ее на сцене.

Драма Юнуса Юсупова охватывает лишь один небольшой период жизни Огахи. Но как много вместилося в этот короткий отрезок времени — работа над лучшими его творениями, большая и пылкая любовь к юной Хуснидиль, борьба против

жестокой несправедливости ханского двора по отношению к дехканам его родного кишлака.

Перед зрителем — картины жизни простого, обездоленного люда («...труженик вечно в заботах, еда его — хлеб и вода»), пустого временипрепровождения ханских сатрапов («на шумных пирах тунейдец жиреет от вина и сластей»), метания страдающего от несправедливостей и обид поэта-мираба («зачем же Огахи служить мирабом, владеть водой, раз у него нет и пяди земли своей?!»).

Яркие образы главных героев, сочный, колоритный язык и живой афористичный диалог, бережно и тактично

«вмонтированные» газели и рубай поэта — все это служит добротной драматургической основой для спектакля. Правда, не все в пьесе равноценно — в третьем действии непомерно много места занимает история с заточением группы дехкан, обвиненных по ложному навету в неправильном использовании воды, растянуты сцены пьяных оргий во дворце. Вследствие этого образ главного героя несколько отходит на второй план и действие в последних картинах развивается временами как бы нехотя, натужно. Схематично и неглубоко обрисованы отдельные образы, в частности Камил Хорезми.

Образ Огахи. Это, пожалуй, самая трудная задача и для автора, и для режиссера Х. Алпанова, и для артиста А. Бекчанова.

Талантливый смелый поэт, страдающий и борющийся с несправедливостью, верный друг, искренний, пылкий влюбленный — таков Огахи в спектакле. Очень пластично, с тонким чувством такта

проводит актер сцену первой

встречи с Хуснидиль, первый музыкальный монолог, встречу с приехавшим из Пешавара другом и единомышленником Камилем Хорезми. Точными, умело найденными деталями А. Бекчанов показывает, как в этом мире, «где красоту повергают в прах, а несправедливость возводит в добродетель», его герой сохраняет духовную независимость, гражданскую смелость.

Сценический рисунок образа Огахи, созданного актером, определяют чуть суровая сдержанность, затаенная боль. Однако эта верно найденная интонация к концу спектакля делает игру артиста несколько монотонной. И, думается, происходит это от того, что А. Бекчанов мало пользуется другими красками. Хотелось бы видеть больше тепла, задушевности, в конце концов иногда просто улыбки в сценах с дехканами, с Хорезми, с возлюбленной.

Образ придворного поэта Назми исполняет заслуженный артист республики М. Сафаев. Надо сказать, что об-

раз обрисован автором не очень глубоко и многокрасочно. И все же для актера здесь достаточно материала, чтобы «творить, выдумывать, пробовать». Завистливый, злой и вероломный — таков Назми. Он недалек, но хитер и многолик. Он небезуспешно рядится в тогу поэта, пишущего и в духе времени, и в угоду хану. И «ногти» свои он показывает не сразу. У М. Сафаева же одна краска: откровенный злодей и подлец. Если даже предположить, что артист стремится к гиперболизации, гротеску (что в данном случае не представляется уместным), подо всем этим нет надежного психологического обоснования.

Из актерских удач необходимо отметить работу народного артиста республики К. Рахимова в сравнительно небольшой роли шута, сумевшего поднять как бы два пласта: с одной стороны — это человек, обязанный по долгу службы развлекать хана, с другой — простолюдин, которому близки и понятны горести и невзгоды

дехкан и который всегда готов прийти к ним на помощь. Да и в облике шута он не прочь направить острую и злую шутку в адрес повелителя. Только вот речи шута, сатирические в своей основе, не всегда достаточно остроумны и смешны — это упрек в адрес автора.

И еще об одном участнике спектакля — музыке композитора А. Атаджанова. Музыка напевная, красочная, настоянная на хорезмских народных мелодиях, по праву может считаться украшением спектакля. Правда, постановщикам следует подумать над тем, чтобы арии, дуэты, хоры более органично вплетались в действие.

Спектакль интересно оформлен заслуженным деятелем искусств Узбекистана Т. Абдуллаевым.

В репертуаре старейшего периферийного творческого коллектива республики появилась драма о выдающемся хорезмце, чье имя носит театр. И хочется верить — ей суждена долгая сценическая жизнь.

И. НАДЫРОВ.

ПРАВДА ВОСТОКА